

ДИРК УФФЕЛЬМАНН

«ОДНУ НОРМУ ЗА СЕБЯ, ОДНУ — ЗА ПАВКУ!»

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
ЭПОХИ СОЦРЕАЛИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТ
СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

«Горе я знаю — оно помогать меня учит несчастным».

Вергилий, «Энеида»¹

1. В условиях сталинского режима 1930-х гг. не могло существовать иной перспективы, чем атеистически-имманентный взгляд на окружающий мир. Тем не менее, именно пост-христианская топика используется в литературе соцреализма как инструмент пропаганды самопожертвования во имя коллективного блага: «Само героическое в изображении социалистического реализма означает бескорыстный и сознательный подвиг во имя общего блага, сочетающийся с мужеством и смелостью и нередко проявляющийся в самопожертвовании героя»². Жертва, о которой идет речь в контексте соцреализма, а также в научных исследованиях советской эпохи, посвященных последнему, по сути топична. Под успокаивающим воздействием сознания одержанной военной победы большинство государственных идеологов мало заботится о том, что такой атеизм, требующий жертв — в генеалогическом или структурном отношении — мог бы быть истолкован как (пара-)религиозный и что употребляемая при этом топика могла бы быть распознана как христианская.

В данной статье мы намереваемся остановиться на романе Николая Островского «Как закалялась сталь», чтобы на его примере проследить постоянное присутствие христианской топика жертвы, а также видоизменения моделей христианских образов в литературе эпохи соцреализма. В этих целях роман Островского будет сопоставлен с обоснованиями жертвы Христа, содержащимися в Новом Завете, причем особое внимание будет уделено гимну Христу (Фил. 2, 5–11). В нём самоуничижение или кенозис Христа, воплотившегося в человеческий облик и отказавшегося от своей Божественной сущности, принявшего социальное унижение и в конце концов пошедшего на крестную смерть, проповедуется как пример, которому должны следовать все христиане: «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе». Нашу гипотезу можно сформулировать следующим образом: аналогичный призыв к самоуничижению содержится в рассматриваемом нами романе Островского, а советская пропаганда позаботилась о том, чтобы данный призыв красной нитью прошел через всю историю рецепции этого текста.

Роман-дебют Николая Алексеевича Островского «Как закалялась сталь», над которым автор работал с 1930 по 1936 г., занял главное место в литературном каноне соцреализма. Политическое разделение на врагов и друзей в романе на первый взгляд казалось таким однозначным, что его смело можно было использовать в целях воспитания молодежи. Ниже мы постараемся обосновать наше утверждение, что прокоммунистическая позиция романа, имманентность и т. д. не так однозначны, как было принято считать. Кроме того, мы подвергнем основательной проверке следующую нашу гипотезу: успех романа и его использование в пропагандистских целях были возможны именно благодаря кроющейся в нём неоднозначности. Методологическим ключом к сформулированной задаче послужит, во-первых, прочтение самого романа на предмет деталей, допускающих амбивалентное толкование, и, во-вторых, привлечение истории рецепции текста³.

2. Не все амбивалентные аспекты романа подвергаются вытеснению в ходе его рецепции в контексте соцреализма; один из таких аспектов — а именно постепенное изменение поведения героя в сторону политического «совершенства» — соцреализмом признавался. Превращение Павки Корчагина из строптивого школьника в ответственного инструктора соответствует классической соцреалистической канве: герой проходит типичный путь развития, ведущий от «стихийности» к «сознательности» и дисциплине⁴.

Кроме целого ряда отцовских фигур (старший брат Артем, Летунов, Панкратов, Леденев) на истинный политический путь Павку наставляет матрос Жухрай. Отцам уже знаком тот путь, который еще предстоит познать молодому герою (здесь мы имеем дело с богословским пониманием свободы как подчинения высшему, истинному миропорядку). Эта схема, лежащая в основе многих других романов эпохи соцреализма⁵, позволяет определить «Как закалялась сталь» Островского не столько как роман развития, сколько как роман воспитания⁶. Постепенно преодолевая сопротивление подопечного, отцы воспитывают в Павке партийное сознание и способность к стратегическому мышлению.

Цель процесса воспитания формулируется в романе достаточно четко, однако склонность Павки к анархии воспитателям удается победить далеко не сразу. Здесь мы, по всей видимости, имеем дело с романом о трудновоспитуемом молодом человеке: сопротивление, оказываемое Павкой, выходит за рамки амбивалентности, допускаемой теоретическими постулатами соцреализма.

В редакции романа, датированной 1932/33 гг., «выходки» героя были прописаны еще ярче. Редакторы романа и сам автор в последующем сгладили эту трудновоспитуемость, однако даже в заключительной версии текста credo железной дисциплины практически до самого конца романа не соответствует изображаемой действительности.

На последних страницах с большим пафосом неоднократно повторяется, что политическая цель достигнута: потрясенный величием революции Павка подводит итог роста всей страны (248 и 283)⁷. Однако политическая победа красных не означает для Павки непосредственного личного продвижения.

Он становится всего лишь комсомольским комиссаром, который только позднее будет принят в партию.

В физическом плане о подъеме Павки на высшую ступень совершенства не может быть и речи. Взросление героя в водовороте событий времен военного коммунизма и его превращение в мужчину («Возмужал, окреп» (110)), которое в заглавии облекается в механистическую метафору, в самом романе сопровождается физическим угасанием. Политическая и военная победа совпадает по времени с моментом, когда здоровье Павки оказывается окончательно подорванным.

При всём, казалось бы, ясном и однозначном политическом дуализме, пропагандируемом в романе, на самых разных текстовых уровнях можно наблюдать наличие следов противоречивой логики эпохи сталинизма⁸. Тем самым, распространенное до сих пор утверждение о стремлении к однозначности оказывается недостаточным для того, чтобы определить значение текста — прежде всего в плане его восприятия широким кругом читателей. Задавшись целью понять причины популярности романа, мы оказываемся перед необходимостью более подробного истолкования его амбивалентных аспектов. Прочтение текста, следующее «побочными» путями или движущееся против смыслового потока, при этом не может признаваться нами как заслуга постмодернистской эпистемологии. Ниже мы продемонстрируем, что подобное прочтение являлось неотъемлемой частью восприятия текста в советскую эпоху.

В исследовательской литературе можно найти целый ряд попыток соотнесения моделей унижения и возвышения с религиозным, христианским контекстом. Из соображений необходимой краткости в данной статье мы ограничимся отсылкой к тезису И. Смирнова, который утверждает, что кроме христианской разновидности кенозиса существует еще его мазохистская разновидность — в контексте соцреализма. Обе эти разновидности характеризуются потерей определенного признака⁹.

Мазохистский кенозис соцреализма Смирнов подразделяет на три вида: семейный, социальный и физический кенозис (кроме того, он констатирует, что поведение героев-мужчин строится по гендерной модели женского поведения и что агенты становятся пациенсами). Проблема подобного подхода не столько в непосредственном увязывании метафорического понятия мазохизма и метафорического же понятия кенозиса, сколько нечеткое различие кенозиса и аскезы (которая сопровождает подражание кенозису Христа, но далеко не идентична ему).

Являясь понятием, описывающим индивидуально-психологический механизм получения удовольствия от причинения боли, мазохизм лишен того дополнительного измерения, которое присуще христианскому кенозису, т.е. измерения трансцендентности. Первичным субъектом христианского кенозиса является не «религиозный человек»¹⁰, как утверждает Смирнов, а Слово Божие, обретающее человеческий облик в образе Христа. Опуская аспект неземного высокого, по отношению к которому происходит унижение — как в *imitationes Christi* людьми или в случае секуляризации кенозиса — мы упускаем из виду не только высокое, являющееся точкой отсчета само-

уничтожения (Фил. 2, 6), но и возвышение, на которое, согласно христианской догматике, направлено самоуничтожение Христа (Фил. 2, 9—11). Унижение субъекта до «деидентификации» («христианский кенозис») или «беспризнакового бытия» («мазохистский кенозис» соцреализма), о которых пишет Смирнов, не совпадают с кенозисом Христа, с его уничтожением от Божественности до человеческого облика. В «зраке раба» Христос несет весть о — несхожей с этим «зраком» — Божественной ипостаси. Несмотря на указанные выше возражения мы считаем определяемые Смирновым разновидности семейного, социального и физического кенозиса (ср.: Фил. 2, 5—11), а также отмечаемый им гендерный переход и признак пассивности вполне продуктивными для описания романа «Как закалялась сталь». Однако в нашем случае необходимо будет расширить горизонт рассмотрения и учесть аспект возвышения, являющийся неотъемлемой частью христианской концепции кенозиса.

3. У Островского без труда можно констатировать как вектор уничтожения, так и вектор возвышения. Разговорная стилизация реплик героев и отчасти самого повествовательного дискурса сопровождается частым употреблением уменьшительных форм¹¹. Имя Павла Корчагина, как и имена почти всех остальных героев романа, приводится в диминутивной форме; кроме того, как уже отмечалось Смирновым в указанной статье, на основе созвучия с выражением «сгнуть корчагой» здесь можно построить ассоциативную цепочку, отсылающую к устойчивому словосочетанию «корчиться от боли». Т. е. в самой фамилии «Корчагин» как бы заложена программатика физических страданий.

Партийные посты, которые в конце концов отводятся Павке после долгих перипетий, не означают подъема на высокие ступени бюрократической лестницы. Поэтому, увидев Павку, оборванного и изнуренного работой на постоянном морозе, успевшая повзрослеть и «обуржуазиться» Тоня замечает, что жизнь у него, видимо, сложилась неудачно, а Нелли Лещинская называет его рабом (171, 198). С точки зрения политической логики текста обе эти характеристики, конечно, ошибочны; однако в плане пара-христологического толкования текста и поиска в нём следов нарушения этой логики к ним стоит присмотреться внимательнее. Слово «раб» является ключевым понятием логики обращения отрицательного в положительное в Послании к Филиппийцам (Фил. 2, 7): уничтожение Христа до рабского облика свидетельствует о любви Бога-отца и предвещает людям спасение.

Лохмотья, в которые одет работающий на строительстве железной дороги Павка, и приставшая к нему грязь свидетельствуют о принципиальном пренебрежении, с которым он относится ко всему внешнему; в зимние морозы он ходит практически босой, не замечая прохудившейся обуви и думая лишь о необходимости трудовой жертвы. Все эти детали складываются в образ, близость которого к монашескому идеалу лишений трудно отрицать¹². Эти детали наполняются новой функциональностью (причем Павкин труд представляет собой аскезу в миру, а не аскетический уход из мира), продолжая при этом традицию монашеского презрения к мирской красоте. Опреде-

ленный оттенок пролетарской деклассированности не исчезает у Павки ни после вступления в официальные комсомольские и партийные должности, ни даже тогда, когда он, прикованный к постели параличом и лишенный возможности работать физически, становится писателем, т. е. переходит к интеллектуальной деятельности.

Достижение героями высшей ступени «сознательности», без обыгрывания которого не обходится практически ни один сюжет эпохи соцреализма, сопровождается отказом от собственной инициативы. Политическая сознательность и самостоятельное стремление к действию оказываются несовместимы, с точки зрения партийной дисциплины, предписывающей безоговорочное подчинение.

В ходе работы над текстом Островский несколько сглаживает Павкину склонность к неподчинению, не лишая его, однако, определенной стихийности. Л. Софронова подмечает, что несвобода, к которой приходит Павка, является неотъемлемым элементом агиографической схемы, а К. Кларк пишет, что утрата свободы представляет собой один из основополагающих мотивов романа эпохи соцреализма и входит в репертуар роли героя-сына, который должен отказаться от собственной инициативы по отношению к отцовскому авторитету (например, к партии). Уничижению подвергается именно образ сына, вызывая, таким образом, ассоциацию с кенозисом Сына Божьего, также мотивируемым послушанием (Фил. 2, 7).

Подчиняясь необходимости военного времени, молодые большевики Павка и Сережа отказываются от своих семей. Только такой ценой они могут быть приняты в новую семью, каковой является партия или Красная Армия, в которой они полностью растворяются: «Сережа забыл семью, хотя она и была где-то совсем близко» (96). На попытку родных напомнить о себе герои отвечают отказом: Сережа заявляет матери, что ей не удастся запретить ему воевать на стороне красных и вернуть его домой. В этом отказе звучит отказ Христа принять заботу Марии: «Что Мне и Тебе, Жено?» (Ин. 2, 4). Будучи вынужденным отказаться от матери, чтобы «закалка» увенчалась успехом, боец тем более не может позволить возможной партнерше отвлечь его от достижения поставленной цели.

Поначалу вызванная стечением обстоятельств, сексуальная аскеза Павки лишь позднее возводится в ранг принципа. Когда выздоравливающий герой ненадолго возвращается к матери, он объясняет ей свою политически мотивированную клятву аскезы, которую он якобы дал, следующим образом: «Я, маманя, слово дал себе дивчат не голубить, пока во всем свете буржуев не прикончим» (178). Н. Никулина отмечает, что эротически окрашенные сцены романа были сокращены в процессе работы Островского над первой редакцией текста¹³. Таким образом, можно сделать небезынтересный вывод, что ярко выраженный аскетический оттенок роман приобретает лишь в результате неоднократной корректировки.

Задавая своей будущей жене Тае вопрос «Ты станешь моей подругой, женой?» (274), Павка обрисовывает брак как несколько видоизмененное продолжение дружбы. Брак основывается прежде всего на ответственности, т. е. являет собой скорее родительский, чем партнерский род взаимоотношений.

«Тебе остается одно: поверить, что такие, как я, не предадут своих друзей» (274), — заявляет Павка своей избраннице. Наконец, он сам созревает для того, чтобы взять на себя роль отца и приблизить к себе молодую женщину в качестве политической воспитанницы.

Если мы согласимся с Игорем Смирновым в его утверждении, что советская антропология не признавала телесной (изнаночной) стороны человека¹⁴, то роман Островского может послужить примером, подтверждающим наличие подобной тенденции. Эта тенденция не реализуется в чистой форме, а скорее выливается в амбивалентные мотивы, на которые, в свою очередь, возлагается пропагандистская задача. Павка не является сверхгероем, которому чуждо всё человеческое: он подвержен самым разным искушениям¹⁵. Но именно это обстоятельство наращивает потенциал возможной идентификации со стороны читателя: Павка подвержен искушениям, как и любой другой, но он преодолевает себя, и поэтому с него следует брать пример.

Путь героя к росту и достижению высшей ступени революционно-большевистской сознательности в варианте Островского ведет через множество терний. Этот путь страданий начинается, когда двенадцатилетний Павка бросает школу и начинает работать, и достигает вершины, когда герой слепнет и оказывается прикованным к постели: «Жизнь продолжает меня теснить на фронте борьбы за здоровье» (276).

Тело — именно поврежденное, раненое — снова приобретает значимость. В то время как половое влечение искореняется аскезой, телесные страдания выступают на передний план. Подвергаясь страданиям, тело находит свое место в литературной антропологии соцреализма: при помощи многократных вариаций мотива болезни и телесных повреждений — который, кстати, является постоянным предметом рефлексии Павки — Островский натурализует образ раба из Послания к Филиппийцам.

Медицинскую натурализацию метафизически-этического кенозиса Христа можно рассматривать как признак негативной оценки религиозной модели, тем не менее, воспроизводящейся в структуре романа, хотя и в измененной форме. Антиклерикализм Павки и его пролетарское возмущение, подавляемые вмешательством партийной цензуры, свидетельствуют о следовании аналогичной линии протеста: против официальной линии, против «верхов». Подобное выступление против вышестоящего авторитета можно оценивать как продолжение русской традиции юродства, противостоявшего официальной церкви. В то время как последняя делала упор на достоинство и возвышение, юродивыми демонстративно подчеркивалось самоуничижение. Таким образом, можно утверждать, что тенденции протеста против официальной линии служат канвой для кенотических моделей поведения: в нашем случае оно выступает под красным флагом.

4. Однако не должен ли положительный герой текста эпохи соцреализма быть персонажем совершенно цельным, без сучка, без задоринки? Мы, конечно, не намереваемся оспаривать факт, что Павка наделен определенными чертами героя, но герой он скорее малоформатный, как бы мини-герой. Где же тогда искать героя настоящего, полногабаритного?

Если литература соцреализма значительной частью написана бывшими бойцами революции, которые вынуждены были покинуть строй по причине непригодности к активной борьбе¹⁶ (что в случае Островского очевидно так), т. е. бывшими героями, то стоит задаться вопросом о принципиальной совместимости героизма и литературы¹⁷. Героизм будущих и бывших героев состоит в усилиях, направленных на то, чтобы стать героем, или, соответственно, в рефлексии утраченной способности быть героем.

В романе Островского мы имеем дело как бы с обоими случаями: из подростка, т. е. будущего героя, Павка непосредственно превращается в инвалида, т. е. бывшего героя. Поэтому героизм Павки не может состоять в каком-то отдельном выдающемся поступке (как бойца, рабочего или партийного лидера), а должен определяться переносимыми страданиями. В свете сказанного заметим, что отсутствие активного героизма в романе Островского ни в коем случае не указывает на то, что текст следует рассматривать как не соответствующий канону соцреализма¹⁸. Скорее можно утверждать, что для соцреализма — если мы посмотрим на него через призму романа Островского — характерна постановка невыполнимого требования: он должен описывать героизм через различные предшествующие ему или следующие за ним стадии, являясь, тем самым, эпи-героическим. Действующее лицо в тексте должно быть наделено недостатком и стремиться компенсировать его. В этом смысле шизофреническая двойственность соцреализма, о которой пишет Кларк¹⁹ — противоречие между действительным отрицательным героем и желаемым положительным героем — разрешима следующим образом: герой текста должен страдать от своей неполноценности и стремиться наполнить ее смыслом.

На долю Павки выпадает великое множество несчастий, однако роковым, вызвавшим впоследствии тяжелую невропатологию и паралич, оказывается ранение, полученное им в 1920 году в ходе гражданской войны, последовавшей за революцией. Следовательно, причиной Павкиного увечья, сделавшего из него «раба», послужила борьба за революционную идею. В ходе революционной борьбы Павка осознанно и добровольно ставит на карту собственное здоровье. Таким образом, его физическое уничтожение не случайность: самоуничтожение есть жертва ради идеи, признак следования определенному образцу поведения. Жертвуя здоровьем, Павка стремится соответствовать представлению о революционере, причем ориентиром, определяющим его идеологию служения, является коллектив. Единственным признаком, придающим коллективу некую конкретность, оказывается несколько раз встречающаяся в тексте метафора, позаимствованная из военного контекста: Павел ищет и находит свое «место в строю» (187). В 7—9 главах второй части романа Павка, оторвавшийся от коллектива по причине физической неполноценности, с нетерпением стремится «возвратиться в строй» (259).

Подобно тому, как бесконечные страдания отдельных героев не затрагивают коллектив в его целостности («Эскадрон не останавливал свой бег из-за потери бойца» (272)), физическое воздействие страданий, испытываемых Павкой, не достигает ядра вызвавшей их идеологической причины. Так, убитое тело не в состоянии — за исключением редких моментов отчая-

ния — сломить дух героя. Здесь мы имеем дело с парадоксом физического уничтожения и неизменной стойкости воли, представляющим собой структурный аналог православного учения о независимом существовании Слова, которое не затрагивается самоуничтожением Христа. Следовательно, данное постоянство идеи при непостоянстве физической основы не является новой разновидностью тоталитарного, мазохистского кенозиса эпохи соцреализма, как утверждает И. Смирнов, а представляет собой традиционную кенотическую модель. Соцреализм лишь продолжает традицию, заложенную в христианском кенозисе.

Позитивизация уничтожения героя, постоянство его воли — суть концепции романа «Как закалялась сталь», позволяющая провести *структурную* аналогию с христологией. В романе особым образом подчеркиваются кенотические признаки послушания, субординации, роль сына, а также добровольный отказ (от семьи, от личного счастья) и коллективная польза от уничтожения одного лица. Однако налицо и аспекты, отличающие повествование об уничтожении и воспитании героя от христианских форм подражания Христу: антиклерикальный, даже антихристианский тон романа не подлежит сомнению. Призыв к подражанию нацелен не на любовь к ближнему и непротавление злу (Мф. 5, 39), а на ответное насилие, на страшный последний бой до победы и утопического освобождения от зла. Качества, позаимствованные христианскими монахами у солдат²⁰, Островский возвращает солдатам, стоящим в революционном строю.

5. Роман не ограничивается описанием жертв, принесенных Павкой, Сережей и Валей, и их пользы для коллектива. За этим описанием кроется призыв к читателю последовать примеру подобного героического жертвоприношения. Поэтому «христологическое» толкование романа Островского не может обойтись без рассмотрения различных форм призыва к подражанию.

Основным отправным пунктом является при этом потенциал идентификации с кенотическим героем. Как Слово Божие становится доступным для восприятия в «зраке раба», как Христос, потерпевший социальное и физическое уничтожение, становится фигурой, позволяющей верующим идентифицировать себя с ней, так и страдания Павки не дисфункциональны (И. Смирнов пишет, что они представляют собой лишь потерю признака), а являются центральными элементами, долженствующими выполнять наставительную функцию. Тот, кто узнает в чужих страданиях и сомнениях свои, не бросит камень первым; тот, кто узнает себя в страдающем, поможет другому страдающему; тот, кто видит, как другие преодолевают трудности, найдет в этом примере стимул для собственного поведения. Недостатки, которыми наделяется Павка, с этой точки зрения также функциональны. Наиболее серьезный из них — это его недисциплинированность, в то время как влюбленность в Тоню, принадлежащую к буржуазной среде, долгая неясность в отношениях с Ритой, сквернословие и курение скорее относятся к категории простительных слабостей: все они указывают на то, что герой романа ничем не отличается от других.

Партийная дисциплина является главным фетишем соцреализма, поэтому наставительная функция Павкиной недисциплинированности советскими исследователями не упоминалась. Андрей Платонов был, пожалуй, единственным автором, который в своей рецензии на роман «Как закалялась сталь» несколько отступил от этого фетиша: он пишет, что стихийность Павкиного поведения — неотъемлемая черта героя, указывающая на то, что он такой же, как все, но что в воспитательном плане этот факт роману не во вред²¹.

Свое воспитательное значение образ Павки приобрел не вопреки, а именно благодаря его уничтожению, заурядности и физической деградации. Обычный героизм Павки²² в своей слабости и уничтожении граничит со святостью. Святость результирует здесь из определенного дефицита: с героем что-то не в порядке, ему чего-то не хватает. Именно по такому образцу определяет святость посетивший Островского Андре Жид. Он пишет, что место, где он встретил «святого» Островского, кажется ему неподходящим: «Если бы мы не были в СССР, я бы сказал «Это святой». Религия не создала более прекрасного лица. Вот наглядное доказательство того, что святых рождает не только религия»²³. Потрясение, испытанное Жидом при соприкосновении со «святостью» Островского, есть результат впечатления, которое произвел на него не соответствующий традиционному христианскому представлению советский контекст. Павка кажется миллионам читателей достойным примером для подражания, потому что он явно не святой, потому что его физическое здоровье подорвано, потому что он нередко впадает в отчаяние, потому что он долгое время ведет себя непоследовательно. Недостатки питают наставление; ложка дегтя (кенозис) повышает вероятность возведения в ранг святого, усиливает призыв к подражанию. Именно несовершенство данности позволяет предполагать, что за ней кроется нечто высшее²⁴. Таким образом, можно констатировать, что постулат народности в соцреализме оказывается более значимым, чем постулат положительного героя. Только положительный герой, которому присущи определенные недостатки, удовлетворяет требованию близости к народу и может служить примером для подражания.

6. Павка не только является таким примером; он сам неоднократно выступает в роли пропагандиста личных качеств, которыми должен обладать большевик. Оказавшись в армии большевиков, Павка вскоре берется читать товарищам роман Войнич «Овод». Один из старших солдат, наблюдающий сцену, распознает в Павкином чтении вслух действенный инструмент скрытой агитации: «Вот сейчас, смотри, ведут политработу незаметно, а влияние очень большое. Для них хорошее слово придумано — “молодая гвардия”» (113). Позднее Павка, ставший комсомольским комиссаром, доводит свою методику воздействия на молодежь до совершенства. Своим успехом у молодежи он не в последнюю очередь обязан игре на гармошке. Здесь мы вновь имеем дело с кенотическим приемом: простое средство позволяет добиться высокой политической цели. Подспудная идентификация, достигаемая путем перехода на более низкий, простонародный уровень — это лишь одна сторона тактики; другая ее сторона заключается в эффекте усиления

воздействия путем одновременного использования различных медиальных стратегий в целях мощной большевистской индоктринации: «Созвучно сплетались в сердцах и песни гармоника и то, о чём говорил молодой комиссар» (219). Октябрьский мультимедийный спектакль с духовым оркестром, красными флагами и т. д. — тоже дело рук Павки (см. 223 и сл.).

Практически прикованный к постели, Павка принимает у себя комсомольцев: распространение большевистской идеологии вполне может осуществляться и лежа. В своей писательской деятельности Павка видит «новое оружие» (287) для привлечения людей на сторону партии. Поскольку текст Корчагина, являющийся частью романа, носит автобиографические черты, можно утверждать, что и в данном случае мы имеем дело с призывом к подражанию жизненному пути героя, посвятившего себя борьбе и принесшего немалые жертвы. Высказывание Сталина, назвавшего писателей инженерами человеческих душ, в случае Павки следовало бы модифицировать следующим образом: Корчагин выступает как инженер по технике призыва к подражанию. Функция наставника ставит инвалида в центр всего романа (а не ведет к «беспризнаковости», «неузнанности» и неразличимости, как предполагает Смирнов).

Парализованный и слепой, Павка продолжает выполнять роль пропагандиста в кругу близких ему людей. Расширение радиуса деятельности оказывается в таком состоянии непростой задачей. Воспитанники Корчагина, который руководит «кружком рабочего партактива» (276), приходят к нему на дом, что, однако, может удовлетворять его лишь некоторое время.

Итак, перед Корчагиным возникает необходимость медиального расширения радиуса пропагандистской деятельности. На новом, литературном поприще первым вспомогательным средством служит «вырезанный из картона транспарант», позволяющий слепому автору писать более или менее разборчиво. Затем приходят секретари, которые пишут под диктовку и зачитывают Корчагину гранки (285 и сл.). Применяя различные вспомогательные средства, Павка преодолевает медиальные границы литературы²⁵. Следующим качественным усовершенствованием рецептивной связи с миром становится радио (см. 281). Перечисленные медиальные инструменты вновь позволяют Корчагину влиять на общественные процессы, служить делу партии. «Корчагин опять ухватился за руль обеими руками и жизнь, сделавшую несколько острых зигзагов, повернул к новой цели. Это была мечта о возврате в строй через учебу и литературу» (276).

Здесь вновь происходит перекрещивание двух векторов: физической деградации и сокращению радиуса действия пропагандистской работы Павки противопоставляется повышение уровня используемых медиальных средств, дающих Корчагину возможность снова «встать в строй» — если не в активной борьбе, то, по меньшей мере, на фронте воспитания и наставничества. Идеологическая стойкость поддерживается при помощи средств коммуникации.

В романе открытым текстом говорится о том, что писательская деятельность Корчагина служит интересам партии (см. 269 и сл.). О том, что сам роман берет на себя выполнение партийной задачи, а именно в плане воздей-

ствия на поведение читателей, свидетельствуют многочисленные официальные лозунги, включенные в текст романа. Так, в тексте встречается призыв «[...] Вступайте в ряды Красной Армии» (94), который, кроме адресатов внутри романа, имеет в виду и его читателей. Не обходится и без коммунистического лозунга номер один — эпитафия «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (95). В непосредственном соседстве с ним Островский, казалось бы, невпопад, помещает цитату из текста «Интернационала» (в свою очередь цитирующего Евангелие), которая в предельно краткой форме передает заложенную в христианском источнике логику переоценки (Мф. 19, 30): «Кто был ничем, тот станет всем» (95). Следуйте за Павкой, и за вашим уничтожением последует возвышение — конечно же, имманентное, политическое: «Будет и у нас праздник, товарищи [...]!» (95).

Особой агитационной силой обладает в романе смерть Ленина: «Смерть вождя партии и класса зовет лучших сынов <sic!> пролетариата в наши ряды...» (240). Постоянное повторение этого призыва в романе ведет к непосредственному результату: тысячи рабочих вступают в партию. Эффект убеждающего воздействия описывается при помощи эпического (или библейского — см.: Иер. 12, 2) образа дерева: «Смерть Ленина сотни тысяч рабочих сделала большевиками. Гибель вождя не расстроила рядов партии. Так дерево, глубоко вошедшее в почву могучими корнями, не гибнет, если у него срезают верхушку» (244). Именно смерть «Спасителя», именно доказательство его смертности (т. е. кенозис) оказывает самое сильное убеждающее воздействие.

7. Работу над романом «Как закалялась сталь» Островский начинает в 1930 году, когда полиартрит и слепота сделали его зависимым от помощи других. Первая глава первой части была написана самим автором от руки при помощи секретаря, все остальные главы были записаны секретарями²⁶. В ноябре 1931 года первая часть романа была завершена, в апреле того же года она была напечатана в журнале «Молодая гвардия». В 1935 году, после основательной повторной переработки, обе части романа выходят в форме книги. Только над первой книжной версией романа в 1935 году работало одиннадцать «литературных шефов молодого писателя»²⁷. Островский жалуется, что его роман прошел через «настоящий конвейер» редакторов, которые изменили и обкорнали его²⁸.

Политическая цензура прошла прежде всего по 9 главе первой части и 9 главе второй части, речь в которых идет о внутривнутрипартийной оппозиции. В июне 1933 года и, повторно, в апреле 1935 года Островский дал свое согласие на внесение изменений в эти главы²⁹. О Павкиной принадлежности к внутривнутрипартийной оппозиции, о которой писалось в первой версии романа, в его заключительном варианте наиболее явно свидетельствует мотив, содержащийся в 7 главе второй части: Жаркий, Корчагин и др. протестуют против «европейских танцев» нэпманов (см. 256 и сл.)³⁰. В версии романа, в конце концов увидевшей свет, «рабочая оппозиция» сосредоточена исключительно вокруг Дубавы.

Если в первой редакции Дубава и Корчагин были друзьями, пути которых расходятся на более позднем этапе, поскольку Дубава остается верен себе, а Корчагин подчиняется официальной линии партии и отказывается от пролетарского кредо, то в ходе правки романа Корчагин становится однозначно положительным героем (и депролетаризируется), а Дубава превращается в заклятого врага-троцкиста. «Героизация Павла Корчагина» осуществляется — как отмечает Н. Никулина — за счет Дубавы³¹. Павкины сомнения, его политическая ненадежность ретушируются — т. е. происходит частичная нейтрализация кенотического аспекта присущей человеку слабости — чтобы придать герою большую цельность и однозначность.

В то время как подобная героизация и сглаживание политической конфликтности, по всей вероятности, послужили предпосылкой для официальной канонизации текста, в плане восприятия массовым читателем дело могло обстоять иначе. Можно предположить, что именно то обстоятельство, что человеческие слабости Павки и его пролетарский протест против официальной линии не были заретушированы полностью, стало залогом успеха романа и сделало Корчагина примером для подражания.

Текст, представляющий собой результат многочисленных редакторских изменений, за необычайно короткое время сумел стать частью «золотого» канона советской литературы. Приводимые С. Трегубом в 1953 году данные о том, что в 1950 году насчитывалось уже 150 изданий романа на русском языке и 136 изданий на всевозможных других языках³², свидетельствуют не только о том, насколько эффективно действовала установка на канонизацию Островского, но и о том, что она оказалась автоаффирмативной. В крупноформатном альбоме под заглавием «Николай Островский», вышедшем в 1974 году, целая страница отведена репродукциям обложек переводных изданий романа³³.

В какой мере Островский действительно является автором текста, с большим усердием пропагандировавшегося соответствующими инстанциями советской литературной промышленности, достоверно не известно; несмотря на это обстоятельство близость автора и героя постоянно подчеркивалась. В исследованиях советских литературоведов Корчагин и Островский часто становились одним лицом³⁴ или описывались как двуликий Янус «Корчагин-Островский»³⁵. У Трегуба даже встречается следующая, библейская по духу (ср.: Быт. 1, 27), формулировка: «По своему образу и подобию он <Николай Островский. — Д. У.> создал Павла Корчагина»³⁶. Успех, которым книга пользовалась у читателей, часто связывается именно с этим обстоятельством³⁷, а тезис об автобиографичности романа Трегуб — вопреки самой резкой критике — защищает до последнего, допуская лишь незначительные поправки³⁸. Единое целое, в которое были сплетены жизнь и текст, Островский и Корчагин, должно было остаться неделимым навсегда. Тактика советских исследователей возымела свое воздействие: это единство уже едва ли удастся расчлнить.

В 1931 году Островский писал о своем романе: «Это только факты»³⁹. Отрицательная рецензия, вышедшая в свет 5 апреля 1935 года, заставляет внести в эту позицию первые коррективы. Автор рецензии, Борис Дайред-

жиев, подвергает критике автобиографическую идентификацию, которая, по его словам, делает из романа документ личных жалоб больного Островского и таким образом деградирует его главного персонажа⁴⁰. Рецензент считает, что автобиографичность текста ведет к недопустимому снижению статуса литературного героя. 11 апреля 1935 года выходит открытое письмо Островского Дайреджиеву, в котором автор обвиняет последнего в клевете и оспаривает автобиографический характер романа⁴¹. Через месяц, 16 мая 1935 года, Островский добавляет, что утверждение об автобиографичности явилось бы свидетельством отсутствия «большевистской скромности»⁴². Таким образом, Островский как бы поддерживает критику в свой адрес, уничижая себя самого, чтобы возвысить героя своего романа. Пролетарско-келотическое уничижение, в случае литературного героя сглаженное политической цензурой, теперь берет на себя автор текста, неожиданно опровергая автобиографичность написанного им романа. Однако критика со стороны Дайреджиева подействовала ненадолго. В одном из своих последних интервью, данном в сентябре 1936 года, Островский утверждает: «Раньше я решительно протестовал против того, что эта вещь автобиографична, но теперь это бесполезно. В книге дана правда без всяких отклонений»⁴³. Напомним: политическая цензура героизировала и депролетаризировала Корчагина. Вновь идентифицируя себя с героем, Островский пытается поучаствовать в этой исторической фальсификации⁴⁴. Видимо, «большевистская скромность» успела себя исчерпать, а умирать героем всё как-то приятнее.

На основе сказанного можно утверждать, что мифологизация Корчагина/Островского происходит не исключительно путем утверждения автобиографичности, как пишет Гуский в уже цитированной статье, а сопровождается героизацией и депролетаризацией автора-героя, изображаемого как однозначный, цельный образ. Чем дальше уходит в прошлое история автора, тем меньше человеческих черт оставляет в нем процесс мифологизации и канонизации, превращая его в монолитный идеологический снаряд. Несущественными оказываются в конце концов даже страдания и аскетизм Островского. Канонизаторы (и среди них в данном случае Платонов) превращают трагическую биографию Островского в счастливую историю человека, нашедшего себя в социалистическом обществе⁴⁵.

Не исключено, что причиной успеха романа — бесспорно, привлекавшего и своим приключенческим характером⁴⁶ — явилось именно сострадание читателей, а вовсе не «социалистическое счастье» и не монолитность образа, о которых так много говорилось и писалось. Более того: возможно, что живописуемые Островским страдания послужили кодом протеста подавляемого сына против отца (партии), который вынуждает его страдать. Если это действительно так, нам пришлось бы объяснять популярность текста его функцией клапана для выпуска антитоталитарного давления...

Корчагин/Островский в своем монолитном двуединстве становится одной из центральных моделей для подражания, навязанных соцреализмом сверху, прочно занимая свое место рядом с Павликом Морозовым, Валерием Чкаловым и многими другими. Несколько десятилетий подряд Корчагин, по видимому, действительно является «известнейшим литературным героем»⁴⁷.

Он становится шаблоном, под который подгоняется концепция героя эпохи соцреализма.

8. Унификация литературных героев представляет собой лишь промежуточную цель литературной доктрины соцреализма. Стоящая за ней политическая задача заключается в том, чтобы привить советским гражданам модель поведения Корчагина. Особое значение отводится при этом военной службе (ср. экранизацию *Донского* в 1942 году) и самопожертвованию на трудовом фронте, которые пропагандируются в интересах подчинения социальной дисциплине⁴⁸. Не случайно лейтмотив солдатской субординации находит продолжение в советской исследовательской литературе⁴⁹.

Уже в самом начале процесса канонизации судьба Корчагина приводится как «пример, достойный подражания»⁵⁰. При этом авторы статей в один голос утверждают, что призыв к подражанию исходит «снизу», т. е. от читателей.

История возникновения культа «снизу» приписывается так называемому движению корчагинцев. «Гордое племя корчагинцев»⁵¹ воспевается настолько старательно и настойчиво, что невольно закрадываются подозрения, не имеем ли мы дело с мистификацией. Уж слишком интернационален состав улыбающейся во весь разворот группы молодежи в альбоме «*Николай Островский*»⁵², слишком противоречивы данные о возникновении этого движения⁵³.

После войны название движения было превращено в символ трудового самопожертвования: корчагинцев (и тех, кто хотел ими стать) призывали брать пример с корчагинского трудового аскетизма⁵⁴, чтобы затем самим стать таким примером и передавать готовность к трудовому самопожертвованию из поколения в поколение: «Он <Корчагин — *Д. У.*> со мной и во мне, друг мой и напарник мой, он любит труд и трудолюбию учит других»⁵⁵; «Мы продолжаем трудовую эстафету поколения Павла Корчагина»⁵⁶; образу Павки приписывается притягательная, влекущая за собой сила «магнита»⁵⁷. Вторую ипостась Павки — Островского — тоже не забывают: перед ним (возвышенным на пара-религиозный пьедестал) преклоняют колена (ср. *Фил. 2, 10*), перед ним приносят трудовые клятвы⁵⁸.

Допустим, что движение корчагинцев не было абсолютной мистификацией. Каковы же тогда были медиальные инструменты канонизации, при помощи которых это движение было вызвано к жизни? Всё начинается с просьбы Островского в адрес редактора К. Трофимова, чтобы тот позаботился о соответствующем приеме украинского перевода книги («Як гартувалася сталь») литературной критикой: «[...] Вы постарайтесь о том, чтобы в печати ее <книгу. — *Д. У.*> “обстреляли критически”»⁵⁹. За этой просьбой следует организованный поток читательских отзывов и комментарии к ним. В них передается сообщение, якобы присланное одним из читателей, о том, что книгу читают вслух для неграмотных (которое скорее следует рассматривать не как сообщение о чём-то уже осуществившемся, а как призыв к действию). Подобные чтения впоследствии, видимо, действительно устраивались⁶⁰. В 1950—60 гг. эта практика подвергается организационному усовершенствованию: в библиотеках проводятся читательские конференции по книге Островского, цель которых — не обмен личными впечатлениями от прочитанно-

го, а опять же унификация. «Правильный отзыв» о романе должен соответствовать определенным требованиям⁶¹.

Чтобы читатель с молодых лет был подготовлен к «правильному» восприятию романа, «Как закалялась сталь» выходит в серии «Школьная библиотека» издательства «Просвещение», а также в издательстве «Детская литература». То обстоятельство, что якобы адаптированный для детей вариант романа обходится без значительных изменений, вполне вписывается в логику достижения поставленной политической задачи⁶².

Спектр медиальной канонизации образов Островского и Корчагина замыкается техническими средствами: в Советском Союзе роман был четырежды экранизирован (в 1942, 1956, 1973 и 1975 гг.). Пропаганде трудовой аскезы корчагинцев был посвящен одноименный фильм («Корчагинцы», 1981). Фильмы, снятые по роману, следуют той же самой стратегии, которая лежала в основе последовательной героизации Островского его биографами. Особенно в экранизации Марка Донского (1942), в которой Павка ни с того ни с сего становится участником боевых действий против немецкой армии, герою чужды какие-либо человеческие слабости: он дисциплинирован, здоров, не получает серьезных ранений и не моргнув глазом противостоит негативному соблазну, исходящему от Тони.

Участие различных советских инстанций, в ведомстве которых лежала сфера культурной политики, свидетельствует о том, что в процессе рецепции романа «Как закалялась сталь» ни одна деталь не была предоставлена воле случая. Успех романа не пришел сам собой, а явился результатом слаженного взаимодействия отдельных элементов целого диспозитива⁶³, который использовал Островского как оружие⁶⁴ и привел к утверждению подражания Павке в качестве нормы. Поэтому советская исследовательская литература большей частью представляет собой не столько литературный анализ произведения, сколько своего рода ритуальное заклинание, долженствующее подкрепить перформативный эффект текста⁶⁵. То убеждающее воздействие, которое заложено в самом тексте эпохи соцреализма, дублируется исследовательской литературой⁶⁶. Включение романа Островского в сборник «Вехи памяти» (1987)⁶⁷ является симптомом надежды на то, что такое заглавие не преминет оказать перформативное воздействие. В памяти «рожденных» им «героев», т. е. подражающих ему, Корчагину должна быть дарована «вторая жизнь»⁶⁸.

При этом сами советские исследователи, пишущие о широком восприятии и воздействии романа Островского, явно не могут избавиться от неприятного ощущения, что вся история текста представляет собой результат их собственной мистификации. Они снова и снова пытаются заранее рассеять всяческие подозрения, не будучи, однако, в состоянии полностью отрицать то обстоятельство, что «соответствующие инструкции» поступили сверху. Так, например, Л. Аннинский утверждает, что массовый интерес к роману возник еще до начала пропагандистской кампании, признавая при этом, что студент И. Марченко, ставший впоследствии одним из самых активных пропагандистов украинского перевода романа, прочел текст по прямому указанию комсомола и что 80% тиража первой части в 1932 году были скуплены отделом политпропаганды Красной Армии⁶⁹.

Что касается пропаганды перевыполнения трудовой нормы, толчком которой послужило пресловутое 1300-процентное выполнение нормы Алексеем Стахановым 31 августа 1935 года (чему, в свою очередь, предшествовала длительная подготовка), то здесь пример трудового самопожертвования Корчагина, кажется, и вправду подействовал⁷⁰. Корчагин был первым литературным «самоотверженным тружеником»⁷¹; за ним последовал Стаханов, работавший в искусственно созданных для него условиях.

Перевод с немецкого Елены Уффельманн

¹ «Non ignara mali miseris succurrere disco» (Aeneis, I 630). См.: *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. С. 153.

² С. Петров. Проблема человека и литература социалистического реализма // Концепция человека в эстетике социалистического реализма. М., 1977. С. 22.

³ При этом мы будем опираться на предпосылки теории «History of Books» (R. Darnton. The Literary Underground of the Old Regime. Cambridge, Mass., 1982).

⁴ К. Clark. The Soviet Novel. History as Ritual. Bloomington, 2000. P. 15—17.

⁵ Ср.: А. Синявский (А. Терц). Что такое социалистический реализм // Фантастические повести. London, 1967. С. 417.

⁶ Н. Грознова. Счастье борца. О романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». Пособие для учителей. М., 1981. С. 17.

⁷ Здесь и ниже сноски в тексте на страницы издания: Н. А. Островский. Как закалялась сталь. Роман. М., 1982.

⁸ В. Groys. Die gebaute Ideologie // Tyrannie des Schönen. Architektur der Stalin-Zeit / Peter Noever (Hg). München; New York, 1994. S. 19.

⁹ Здесь и ниже см.: И. Смирнов. Scriptum sub specie sovietica // Russian Language Journal. 1987. № 41. P. 115—138

¹⁰ Там же. P. 124.

¹¹ Л. Аннинский. «Как закалялась сталь» Николая Островского. М., 1971. С. 57.

¹² Н. Островский. Как закалялась сталь. С. 166; Здесь и ниже см.: Л. Софронова. К истории советской агнографии // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема / Ред. Н. Куренная. М., 1995. С. 95—96.

¹³ Н. Никулина. Работа Н. Островского над романом «Как закалялась сталь» // Вопросы советской литературы VI / С. Касторский, В. Ковалев (сост.). М.; Л., 1957. С. 151.

¹⁴ И. Смирнов. Соцреализм. Антропологическое измерение // Соцреалистический канон / Х. Гюнтер и Е. Добренко (сост.). СПб., 2000. С. 20. Согласно утверждению И. Смирнова, официальное представление о человеке являлось «антропоцентричным» (Там же. С. 17).

¹⁵ Как Христос, принявший человеческий облик, подвергается искушению (Евр. 4, 15) и впадает в отчаяние (Евр. 5, 7).

¹⁶ Е. Таратута. История двух книг. «Подпольная Россия» С. М. Степняка-Кравчинского» и «Овод» Этель Лилиан Войнич. М., 1987. С. 87 сл.

¹⁷ Ср. гипотезу Режин Робэн о том, что положительный герой есть лишь недостижимая цель, «горизонт» текстов соцреализма (R. Robin. Le Réalisme socialiste. Une

esthétique impossible. Цит. по: *Socialist Realism. An Impossible Aesthetic*. Stanford (CA), 1992. P. 292).

¹⁸ Ср.: *A. Guski*. N. Ostrovskijs «Kak zakaljalas' stal'» — biographisches Dokument oder sozialistisch-realistisches Romanepos? // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 1981. № 42. S. 144.

¹⁹ *K. Clark*. Op. cit. P. 37.

²⁰ Здесь можно привести имена некоторых основоположников христианского монашества (например, Пахомия или Игнатия Лойолы), которые, будучи выходцами из солдатского сословия, позаимствовали некоторые нормы монашеского устава непосредственно из солдатского регламента.

²¹ *А. Платонов*. Павел Корчагин // *А. Платонов. Размышления читателя. Литературно-критические статьи и рецензии*. М., 1979. С. 60.

²² См.: *Н. Венгров*. Николай Островский. М., 1952. С. 136.

²³ *A. Gide*. «Retour de l'U.R.S.S. Appendice». Voyage au Congo. Le retour du Tchad. Retour de l'U.R.S.S. Retouches a mon Retour de l'U.R.S.S. Carnets d'Égypte. Paris, 1993. P. 459.

²⁴ Ср. тезис Гюнтера и Кларк о том, что соцреализм исходит из существования реальности высшего порядка в смысле учения Платона, кроющейся за видимой реальностью (*H. Günther*. Die Verstaatlichung der Literatur. Entstehung und Funktionsweise des sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre. Stuttgart, 1984. S. 182; *K. Clark*. Op. cit. P. 146).

²⁵ «[...] повествование разворачивается вопреки собственным медиальным условиям» (*Ju. Murašov*. Das elektrifizierte Wort. Das Radio in der sowjetischen Literatur und Kultur der 20er und 30er Jahre // *Die Musen der Macht. Medien in der sowjetischen Kultur der 20er und 30er Jahre* / *Ju. Murašov, G. Witte* (Hg.). München, 2003. S. 107).

²⁶ См.: *Н. Никулина*. Указ. соч. С. 123.

²⁷ *Т. Доступова*. Вторая жизнь Павла Корчагина. М., 1978. С. 9.

²⁸ См.: *Н. Островский*. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3. М., 1974—1975. С. 316 сл.

²⁹ См.: *Н. Островский*. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3. С. 182 и 300.

³⁰ По поводу изъятия этого эпизода из текста см.: *A. Guski*. Op. cit. S. 121—123.

³¹ См.: *Н. Никулина*. Указ. соч. С. 135.

³² См.: *S. Tregub*. Nikolaj Alexejewitsch Ostrowski. 1904 bis 1936. Berlin. 1953. S. 413f.

³³ См.: Николай Островский / Р. Островская, Д. Соколова (сост.). М., 1974. С. 95.

³⁴ См.: *С. Трегуб*. Живой Корчагин. Воспоминания и очерки. М., 1980. С. 7.

³⁵ *А. Платонов*. Указ. соч. С. 70.

³⁶ *С. Трегуб*. Указ. соч. С. 251. О близости автора и героя см.: *Н. Грознова*. Указ. соч. С. 119.

³⁷ *С. Маршак* пишет: «Николай Островский [...] вложил в написанную им книгу всю свою жизнь без остатка, и юный читатель это чувствует» (*С. Маршак*. О большой литературе для маленьких // *Правда*. 28.11.1954).

³⁸ См.: *С. Трегуб*. Указ. соч. С. 8 и 244 сл. Автор заходит так далеко, что предлагает считать литературный портрет Павкиной матери надежным источником данных о матери Островского (Там же. С. 83).

³⁹ *Н. Островский*. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3. С. 135.

- ⁴⁰ См.: *A. Guski*. Op. cit. S. 126f.
- ⁴¹ *Н. Островский*. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3. С. 301.
- ⁴² *Н. Островский*. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 2. М., 1967—68. С. 231.
- ⁴³ Там же. С. 285.
- ⁴⁴ Ср.: *A. Guski*. Op. cit. S. 128.
- ⁴⁵ См.: «[...] внешне полумертвый Островский был счастливым» (*А. Платонов*. Указ. соч. С. 60); ср. также: *Н. Жданов*. Смысл жизни. Заметки о творчестве Николая Островского // *Знамя*. 1937. № 3. С. 269; *В. Тимофеев, М. Ширяева*. Николай Островский. Критико-биографический очерк. М., 1957. С. 58 сл.
- ⁴⁶ *A. Guski*. Op. cit. S. 143f.
- ⁴⁷ Николай Островский / Сост. Р. Островская и Д. Соколова. С. 5.
- ⁴⁸ Ср.: *Н. Любович*. Н. Островский и его читатели // *Новый мир*. № 7. 1937. С. 259; *В. Тимофеев; М. Ширяева*. Николай Островский. С. 79.
- ⁴⁹ Ср., например, послесловие Трегуба к указанному изданию романа Островского, озаглавленное «Всегда в строю».
- ⁵⁰ *Н. Любович*. Н. Островский и его читатели. С. 257.
- ⁵¹ *Т. Доступова*. Вторая жизнь Павла Корчагина. С. 78.
- ⁵² Николай Островский / Р. Островская, Д. Соколова (сост.). С. 76, сл.
- ⁵³ Движение якобы было основано в период Великой Отечественной войны на Урале; согласно другой версии, движение зародилось на фронтах Великой Отечественной (см.: *Т. Доступова*. Вторая жизнь Павла Корчагина. С. 78).
- ⁵⁴ «Одну норму за себя, одну — за Павку!» (Цит. по: *Т. Доступова*. Указ. соч. С. 79).
- ⁵⁵ Ответ 58-летнего кочегара на вопрос анкеты; цит. по: *С. Трегуб*. Указ. соч. С. 248.
- ⁵⁶ Цит. по: *Т. Доступова*. Указ. соч. С. 80.
- ⁵⁷ *С. Трегуб*. Указ. соч. С. 252.
- ⁵⁸ См.: *Т. Доступова*. Указ. соч. С. 82 сл.; о других видах топики клятвы см.: *Ш. Вядро*. Николай Островский и его читатели. К 65-летию со дня рождения Н. А. Островского // *Вопросы русской литературы*. 1969. № 2 (11). Львов. С. 26.
- ⁵⁹ *Н. Островский*. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3. С. 224.
- ⁶⁰ См.: *S. Fitzpatrick*. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s. Oxford; New York, 1999. P. 82.
- ⁶¹ *Е. Добренко*. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. С. 269.
- ⁶² Ср.: *Н. Островский*. Как закалялась сталь. Обработка для детей среднего и старшего возраста. М.; Л., 1937.
- ⁶³ Термин М. Фуко. Брошюра Розовой (*Л. Розова*. Роман Н. Островского «Как закалялась сталь». М., 1951) была издана Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний.
- ⁶⁴ Ср. описание Е. Кубичевым «мобилизационного оружия» (цит. по: *Ш. Вядро*. Указ. соч. С. 31).
- ⁶⁵ Ср.: *Н. Венгров*. Николай Островский. 1952; *S. Tregub*. Nikolaj Alexejewitsch Ostrowski; *В. Тимофеев, М. Ширяева*. Николай Островский; *Т. Доступова*. Вторая жизнь Павла Корчагина; *Н. Грознова*. Счастье борца, и др.
- ⁶⁶ См.: *P. Fast*. Ideology, Aesthetics, Literary History. Socialist Realism and its Others. Frankfurt a.M. e.a., 1999. P. 53.

⁶⁷ *Л. Аннинский, Е. Цейтлин.* Вехи памяти. О книгах Н. А. Островского «Как закалялась сталь» и Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». М., 1987. С. 14—69.

⁶⁸ *Ш. Вядро.* Указ. соч. С. 28.

⁶⁹ См.: *Л. Аннинский.* «Как закалялась сталь» Николая Островского. С. 18—19.

⁷⁰ Ср.: *А. Платонов.* Указ. соч. С. 69; а также переписку Островского и Стаханова (*Н. Островский.* Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3. С. 426).

⁷¹ *В. Тимофеев, М. Ширяева.* Указ. соч. С. 56.